

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО СССР
ВОСТОЧНАЯ КОМИССИЯ

СТРАНЫ И НАРОДЫ ВОСТОКА

ВЫП. XV

АФРИКА И АЗИЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Главная редакция восточной литературы
Москва 1973

А. Г. Шпринцин

КИТАЙСКИЙ НОВЫЙ АЛФАВИТ (ЛАТИНИЗАЦИЯ), ДИАЛЕКТЫ И ОБЩЕЛИТЕРАТУРНЫЙ ЯЗЫК

Под реформой письменности обычно понимают ряд неодинаковых по своему значению и объему действий: начиная от отдельных поправок или изменений, вносимых в данную систему графики либо орфографии, вплоть до полной замены существующей графической системы другой, более приемлемой. Сюда же нередко относят, хотя, строго говоря, неправомерно, и создание письменности для бесписьменных до этого народов.

Сказанное относится и к Китаю, где реформа письменности (*wenzi gaige*), во всяком случае деятельность в этой области в период 1949—1965 гг., включала: а) упрощение графики существующей системы письма путем введения иероглифов упрощенного начертания; б) замену сложных и необычных знаков в написании местных географических названий более простыми и привычными; в) создание системы фонетического письма пока что со сравнительно ограниченными задачами; г) создание самостоятельных систем алфавитного письма для национальных меньшинств Китая.

Вместе с тем реформа китайской письменности характеризуется по меньшей мере двумя отличительными особенностями. Во-первых, в этом случае конечным результатом должен был быть переход не от одной системы звукового письма к другой, типологически такой же, а от письма идеографического к письму звуковому, алфавитному. Во-вторых, в ходе своего многовекового существования китайская иероглифическая письменность способствовала выработке, развитию и сохранению письменно-литературного китайского языка, справедливо называемого иероглифическим и абсолютно несовместимого с алфавитным письмом. Борьба против этого книжного языка и за создание письменно-литературного языка на основе разговорного являлась существенным элементом китайского языкового развития по меньшей мере в течение всех лет XX в. В специальной литературе, в том числе и в советской, этот процесс освещен сравнительно полно, и в данном случае мы обращаемся к одному из его частных аспектов, а именно к вопросу взаимоотношения китайского народно-разговорного языка с алфавитным письмом.

Известно, что современный китайский разговорный язык распадается на ряд диалектов, а иероглифика, где с каждым отдельным знаком может быть соотнесено несколько диалектных вариантов его че-

ния, является в этом смысле как бы наддиалектной письменностью. Возражая против перехода на алфавитное письмо, противники этой реформы прежде всего ссылались на существование китайских диалектов, для которых, как они утверждают, иероглифика является естественным и единственно возможным средством междиалектного письменного общения, поддерживающим сложившееся письменно-языковое единство, которое при переходе на алфавитное письмо неизбежно будет разрушено.

Не касаясь сейчас существа этой аргументации (унифицирующая роль иероглифики, объединяющей лишь меньшинство владеющих ею, весьма условна), согласимся с тем, что диалектное дробление китайского языка действительно является важнейшим фактором, подлежащим учету при переходе на алфавитное письмо, о чем свидетельствует история создания различных проектов китайского алфавита. Как и в других языках, в китайском диалекты различаются прежде всего и главным образом фонетически, и проблема произносительной базы возникала уже в тех случаях, когда алфавиту отводилась чисто служебная, подсобная роль по обозначению чтения иероглифов. Однако еще большее значение приобретает проблема диалектов там, где имеется в виду не транскрипция, а самостоятельная и полноценная система алфавитного письма. Такое всеохватывающее по выполняемым функциям алфавитное письмо может и, как правило, должно передавать живую китайскую речь. спрашивается: какую именно?

Этот вопрос возник при всех многочисленных попытках, предпринятых в конце XIX и первой половине XX в., применить алфавитное письмо к китайскому языку. Из истории создания китайских алфавитов можно установить две тенденции в решении данного вопроса: 1) алфавит, назначение которого — способствовать распространению просвещения, прежде всего грамотности, базируется на местном диалекте [проекты Лу Гань-чжана (1892 и 1906 гг.), Лао Най-сюаня (1905 г.), Чжу Вэнь-сюня (1906 г.) и др.]; 2) алфавит базируется на унифицированной произносительной норме, имея своим назначением обучение этой норме и ее распространение в качестве общенациональной [проект Ван Чжао (1906 г.), а также два алфавита, непосредственно предшествовавшие латинизированному алфавиту (1931 г.): *чжу-инь цзыму* (1918 г.) и *гоуй ромацзы* (1928 год), с которыми обычно сопоставляют китайский латинизированный алфавит, созданный в 1931 г.]¹.

Так, при разработке национального по графике транскрипционного алфавита *чжу-инь цзыму*, функция которого ограничивалась обозначением чтения иероглифов, наибольшие споры вызвал вопрос о том, какое именно произношение надлежит передавать этим алфавитом.

Следующий по времени алфавит уже на латинской графической основе имел (как показывает его название *gwoyeu romatzyh*, романизированный алфавит для национального языка) своим назначением обучение произносительной норме общекайтайского национального языка.

Создатели латинизированной письменности 1931 года исходили из необходимости передавать алфавитным письмом главнейшие диалекты китайского языка.

Наконец, одной из основных функций утвержденного в 1959 г. государственного алфавита (транскрипции), так называемого *hanyu pin-*

¹ Из 28 проектов алфавита, составленных в Китае в период 1892—1910 гг., 11 были рассчитаны на различные диалекты, а 10 — на так называемый мандаринский язык гуаньхуа [см. 20, 54—57].

jin fang'an, является служить письменным средством распространения единой общекитайской языковой нормы — *путунхуа* (*putonghua*).

Таким образом, перед реформаторами китайской письменности вставали два принципиальных вопроса:

1. Является ли диалектная раздробленность китайского языка непреодолимым препятствием для распространения в Китае алфавитного письма?

2. Если алфавитизация принципиально возможна, то должна ли она осуществляться путем создания отдельных алфавитов для различных групп диалектов или же следует ориентироваться на единую и общую для всей страны систему звукового письма, базирующуюся на единой и общей для всех произносительной норме?

В настоящей статье рассматривается, как решались эти вопросы, главным образом второй из них, при разработке и распространении так называемого китайского нового латинизированного алфавита. Этому следует предпослать замечания, поясняющие обстановку, в которой происходила латинизационная деятельность.

Термин «латинизация китайской письменности» вошел в употребление в двух значениях — узком и широком. В узком значении под «латинизацией» понимается созданный на основе латинской графики китайский алфавит, проект которого разработал в 1928—1930 гг. видный китайский политический и общественный деятель Цюй Цю-бо. Теоретические основы предлагаемой реформы письменности для современного китайского языка, системе графических обозначений и слогонаписаний Цюй Цю-бо изложил в опубликованных в Москве работах, в которых впервые по-китайски и по-русски было зафиксировано название «чжунго латинхуады цзыму» — «китайская латинизированная азбука» [см. 3].

В широком понимании термин «латинизация» обозначает совокупность теоретических основ самого алфавита и практических действий по его распространению. В этой связи необходимо отметить следующее.

В начале 30-х годов, когда Цюй Цю-бо выступил со своим проектом, в Советском Союзе проводилась большая работа по созданию алфавитов для бесписьменных до этого народов и по переходу на более простую систему письма народов, пользовавшихся в это время сложной и трудной для усвоения графикой. Надо полагать, что опыт этой работы, бесспорно известный Цюй Цю-бо, был одним из факторов, побудивших его заняться составлением алфавита для китайского языка.

В годы, когда Цюй Цю-бо разрабатывал и опубликовал свой проект китайского латинизированного алфавита, в разных районах Советского Союза проживало несколько десятков тысяч китайцев, эмигрировавших в свое время из Китая в Россию в поисках заработка. Кроме того, в Москве, Хабаровске и Владивостоке проживало довольно много китайских политических эмигрантов из гоминьдановского Китая. Этим объясняется то, что в работе по совершенствованию проекта Цюй Цю-бо участвовали как видные представители китайской революционной интеллигенции, находившиеся в политэмиграции в СССР, так и специалисты-китаеведы из научно-исследовательских институтов Москвы и Ленинграда.

В силу указанных обстоятельств первая конференция, утвердившая алфавит и правила орфографии, состоялась в 1931 г. во Владивостоке, а практическая деятельность по распространению утвержденного алфавита (организация обучения и выпуск учебной литературы) началась среди китайских трудящихся, проживавших в СССР, и осуществлялась силами местного китайского актива и молодых советских китаистов. При этом следует иметь в виду, что, по мысли Цюй Цю-бо и его по-

следователей (У Юй-чжан, Линь Бо-цуй, Сяо Сань и многие другие), латинизированный алфавит с самого начала был рассчитан на его применение в Китае, чем, в частности, и объясняются специфические особенности графической системы китайского алфавита, допущенные в качестве исключения из общих правил Всесоюзным центральным комитетом нового алфавита при утверждении китайского алфавита для применения в Советском Союзе [см. 6].

В Китае первые сведения о латинизации распространились в 1932—1933 гг., когда была опубликована статья Сяо Саня о работах, проводившихся в СССР, но лишь в 1934 г., с получением в Китае из Советского Союза латинизированных изданий, принципы латинизации стали известны в сравнительно широких кругах китайской интеллигенции, передовые слои которой сочувственно встретили алфавит и активно способствовали его распространению в стране [см. 11, 171—173].

Не имея возможности останавливаться подробнее на истории появления и распространения латинизации в Китае, подчеркнем одно важное обстоятельство. В Китае был воспринят и в течение как минимум пятнадцати лет (1934—1949) применялся именно алфавит, утвержденный на владивостокской конференции. Никакие изменения не были внесены ни в графические обозначения, ни в названия алфавита (*латинхуа чжунго цзы* 'латинизированный китайский алфавит' или *латинхуа синь вэньцзы* 'латинизированная новая письменность'), под которыми эта система известна в истории создания китайского алфавитного письма.

Выше уже упоминалось, что из многих проектов китайского алфавита, составленных в первой трети XX в., непосредственное отношение к латинизированному алфавиту 1931 года имели два алфавита — *чжу-инь цзыму* и *гоуй ромацзы* (романизация). О *чжу-инь цзыму* и романизации писал в своей работе Цюй Цю-бо [см. 3, стр. 7 и 18], а о романизации и латинизации как исходных элементах принятой в 1958 г. официальной транскрипции говорилось на сессии Всекитайского собрания народных представителей, утвердившей эту транскрипцию в качестве общегосударственной [см. 2, стр. 22, 23, 48]. Вместе с тем необходимо отметить, что между романизацией и латинизацией имелись существенные различия, обусловленные прежде всего функциональным различием этих двух систем.

Романизация, разработанная в 1926—1928 гг., т. е. непосредственно перед публикацией проекта алфавита Цюй Цю-бо, имела ограниченную и подсобную задачу — фиксировать произносительную норму, в известной мере искусственную, так называемого китайского национального языка — *гоуй* и распространять эту норму, в частности, путем обозначения алфавитом чтения нероглифов. Задачей латинизации являлось распространение грамотности среди широких масс китайского народа, поднятие их культурного и политического уровня.

Этими функциональными различиями определялись два существенных отличия латинизации от романизации: во-первых, простота латинизированной орфографии в противоположность исключительно трудной орфографии романизации, осложненной необходимостью обозначать в написании слога присущую ему тональность (естественно, в системе *гоуй*); во-вторых, в отличие от романизации, ориентировавшейся на одну и единую произносительную норму, латинизированный алфавит создавался как самостоятельная и полноценная система письма, фиксирующая китайский народно-разговорный язык, который характеризуется наличием диалектных вариантов.

Это обстоятельство осознавалось уже в самом начале работы по латинизации китайской письменности, когда наряду с правилами, опреде-

являвшими принципы графики и орфографии китайского латинизированного алфавита, были сформулированы и принципы чисто языковые, определявшие основы той языковой политики, которую надлежало осуществлять при проведении латинизации. Такие принципы наметил еще в 1928—1929 гг. Цюй Цю-бо, изложивший свои взгляды по этому вопросу в самом общем виде в брошюре, вышедшей в 1930 г. [см. 3, стр. 8 (китайский текст) и стр. 19 (русский текст)], и более подробно в специальном разделе обстоятельной статьи, датированной 1931 годом, но опубликованной много позже и, к сожалению, оставшейся в 30-х годах неизвестной деятелям движения за латинизацию [см. 19, 651—682]².

Формально языковые принципы латинизации были зафиксированы в ряде пунктов (4, 7, 8, 9, 10, 11) резолюции, принятой в 1931 г. на Первой конференции по латинизации [см. 12, 9—11]. По вопросу о языковой базе латинизации суждения конференции были чересчур категоричными и сводились в общем к следующему:

1. Конференция высказывается против движения за единый государственный язык — *гоуй* и против использования одного какого-либо китайского диалекта в качестве общеязыкового государственного стандарта (§ 9 резолюции).

2. Конференция считает, что в современном китайском языке можно, ориентируясь на различия в произношении, выделить следующие пять диалектных групп, территориально охватывающих: Север Китая, провинцию Гуандун, провинцию Фуцзянь, отдельные районы провинций Цзянсу и Чжэцзян, провинцию Хунань и частично Цзянси. Каждая из этих диалектных групп должна иметь свою самостоятельную письменность (имелся в виду вариант общего латинизированного алфавита для данного диалекта.— *А. Ш.*), с тем чтобы на ее основе свободно развивать культуру (§ 9 резолюции).

В основе принципов, сформулированных на Первой конференции, лежала идея о последовательном демократизме намечаемой реформы китайской письменности. Алфавит вводится для быстрейшего распространения грамотности, без которой невозможен рост культурного уровня и политической сознательности широких народных масс. Если же овладение алфавитной грамотностью сопряжено, как этого требовала романизация, с изучением незнакомой для населения ряда районов Китая речи при исключительно сложной системе ее алфавитной записи, то в плане своих конечных задач алфавитизация теряет всякий смысл.

Исходя из этого, а также из марксистского тезиса о недопустимости какого бы то ни было принуждения при решении вопроса о языке обучения, сторонники латинизации отвергали систему романизации, где алфавитная грамотность предполагала владение общеобязательной языковой нормой, которую этот алфавит фиксирует. Нельзя при этом забывать и социально-политический аспект проблемы: романизованный алфавит утвердилось как обязательный для преподавания во всей стране реакционное чанкайшистское правительство, подавлявшее революционную борьбу китайского народа и развернувшее войну против советских районов Китая.

Как уже отмечалось, недостатками языковых принципов, принятых на Первой конференции по латинизации, являлись их схематичность и чрезмерная категоричность. Вопрос о языке междиалектного общения на конференции не ставился. Им не занималась и Комиссия по латини-

² По-видимому, эта статья вышла в свет лишь в 1938 г. вместе с другими работами Цюй Цю-бо по вопросам языка и письменности [см. 4, 160, прим. 11].

зации при Институте востоковедения АН СССР, придерживавшаяся тех же принципов, какие приняла конференция. Вопросы диалектной письменности не разрабатывал и Дальневосточный комитет нового алфавита, избранный на конференции. Последнее объясняется тем, что практика распространения китайского латинизированного алфавита в СССР не выдвигала диалектологических проблем, так как китайские эмигранты в СССР почти все без исключения были выходцами из районов распространения диалектов северокитайской группы (Шаньдун, Хэбэй, Северо-Восточный Китай), произношение которой и отражал латинизированный алфавит³.

Иное дело в Китае, где сразу же после ознакомления с китайским латинизированным алфавитом (1934 г.)⁴ проблема отражения в алфавитной письменности диалектной речи стала одним из основных вопросов, обсуждавшихся в связи с латинизацией. Этому способствовало еще одно важное обстоятельство. Дело в том, что движение за распространение в Китае латинизированного алфавита совпало — и, видимо, не случайно — с движением за дальнейшую и широкую демократизацию современного письменного языка, за еще большее его приближение к формам живой речи и создание литературного языка широких народных масс, так называемого тогда *дачжунъюй* (или *дачжунъюйвэнь* — букв. 'письменный язык широких масс').

Естественно, что в дискуссии о *дачжунъюй* рассматривались конкретные пути развития языка широких масс, в частности его материальной базы (общекитайский язык — *путунхуа* — и отдельные диалекты) и письменной формы выражения (иероглифика и алфавитное письмо). Сторонники всемерного использования в *дачжунъюй* китайского народно-разговорного языка были, разумеется, сторонниками широкого использования местных диалектов Китая вплоть до создания на них самостоятельной литературы. Поскольку же многие элементы народно-разговорного языка не имели иероглифического выражения, то проблема диалектов еще в одной точке соприкасалась с проблемой алфавитизации⁵.

³ В сущности говоря, язык изданной в СССР литературы на китайском алфавите отражал то, что сейчас принято называть *путунхуа* (общепонятный язык). В основу произносительной нормы был положен пекинский диалект, но не в его чистом виде, а с учетом таких, например, особенностей шаньдунских диалектов, как различение двух серий мягких среднеязычных согласных: *ki—ci; gi—zi; xi—si*.

⁴ Возникшее в Шанхае Общество по изучению китайской латинизированной письменности (*Чжунвэнь латинхуа яньцзю хуй*) составило сборник материалов по латинизации: «Латинизированная письменность для китайского языка. Теория, принципы, проекты» [21]. Сборник, куда частично вошли и материалы, полученные из Советского Союза, в том числе и выдержки из резолюции Первой конференции по латинизации, за период с апреля 1935 по июнь 1936 г., вышел четырьмя изданиями общим тиражом 5 тыс. экземпляров. По данным Ни Хай-шу, эта книжка вышла в Шанхае шестью изданиями общим тиражом 9 тыс. экземпляров, не считая переизданий в Пекине, провинции Ганьсу и в других местах [см. 16, стр. 174].

⁵ О дискуссии о *дачжунъюй* нам уже приходилось писать в 1936 г. в рецензии на сборник, содержащий разнообразные (*in extenso*, в выдержках и в библиографических справках) сведения о многих сотнях статей, опубликованных в ходе дискуссии. В дополнение к данным, приведенным в этой давней рецензии, укажу еще на двухтомник, содержащий 85 дискуссионных статей по этому же вопросу [см. 9]. Здесь следует также упомянуть изданный в 1949 г. в Шанхае объемистый (582 страницы, формат 25×16 см, убористый шрифт) сборник, содержащий материалы о китайской латинизированной письменности, опубликованные за 20 лет, начиная с 1929 г.; 152 полных и в извлечениях текста, составляющих сборник, расположены в хронологическом порядке и сгруппированы по девяти разделам, из которых третий (стр. 79—124) имеет подзаголовок «От дискуссии о *дачжунъюй* и до пропаганды и распространения латинизированного алфавита» [13].

Главное, однако, заключалось в том, что и движение за развитие языка широких масс и движение за создание алфавитного письма исходили из потребности поднять культурный уровень народа, и прежде всего ликвидировать неграмотность.

Эта потребность стала особенно настоятельной в середине 30-х годов, когда в ответ на агрессию японского империализма в Китае поднялось так называемое движение сопротивления агрессору, за спасение страны от гибели (*кан-жи цзю-ман юньдун*). Успех движения во многом зависел от роста политического сознания народных масс, от эффективности разъяснительной и пропагандистской работы. Наиболее действенным средством этого являлась легкая в усвоении система письменности и понятная для масс речь, представленная диалектами.

Поэтому распространение в Китае нового алфавита характеризовалось, в частности, созданием ряда вариантов этого алфавита применительно к отдельным диалектам. Автору настоящей статьи известны по меньшей мере четыре изданных в эти годы учебных пособия по латинизации для пекинского [17], шэньсийского [18], шанхайского [23] и амойского [22] диалектов. Число разработанных в эти годы (опубликованных и неопубликованных) проектов латинизированных алфавитов для различных диалектов Китая значительно превышает названную цифру. Ни Хай-шу, известный историк движения за латинизацию, в своей работе «Краткая история движения за алфавитное письмо в Китае» приводит перечень 13 проектов алфавита для следующих городов и провинций страны: Шанхай, Сучжоу, Гуанчжоу, Чаочжоу (Сватоу), Сямэнь (Амой), Фучжоу, Вэньчжоу, Нинбо, Уси, Хубэй, Сычуань, Гуанси и для языка Хакка [см. 16, 142—143].

В другой работе того же автора, «Очерки по латинизированной китайской письменности», описаны в главнейших чертах (перечень графем, начальные согласные-инициали, гласные окончания-финали, особенности орфографии слога) проекты алфавитов для следующих диалектных групп и отдельных диалектов: Северо-китайская группа (*Бэй-фанхуа латинхуа*), Цзянсу-Чжэцзянская группа (*Цзяннаньхуа латинхуа*), Гуандунская группа (*Гуандунхуа латинхуа*), Южнофуцзянская группа (*Миньнаньхуа латинхуа*), диалект Вэньчжоу в провинции Чжэцзян и Чаочжоу (Сватоу) в провинции Гуандун [см. 15, стр. 42—61]. В особом разделе «Материалы для чтения» [15, стр. 72—102] приведены в алфавитном и иероглифическом написании тексты на северном, цзянсу-чжэцзянском и гуандунском диалектах, а в конце книги дан обстоятельный указатель чтения иероглифов в северокитайском, цзянсу-чжэцзянском и гуандунском произношении [см. 15, стр. 124—204].

Наконец, библиографическое приложение к упоминавшемуся выше сборнику материалов по латинизации за двадцать лет [см. 13, стр. 554—567] содержит 220 названий разнообразной литературы, изданной в 1935—1948 гг. Из этого числа более 50 названий, т. е. одна четверть, приходится на публикации, связанные с алфавитной письменностью для диалектов.

Из приведенных данных видно, что в движении за распространение латинизированной письменности в Китае большое внимание уделялось вопросу о фиксации алфавитом диалектной речи.

Сказанное выше о функциональных различиях между латинизированным алфавитом и алфавитом *гоюй ромацзы* объясняет и то, почему в Китае сторонники латинизации, выступая за оформление в алфавитном письме диалектной речи, относились отрицательно к так называемому движению за общегосударственный китайский язык (*гоюй юнь-*

дун). Было бы, однако, недостаточным ограничиться одной этой констатацией, так как в Китае 30-х годов, где создание письменности для диалектов являлось насущной задачей, схематическая формулировка соответствующих пунктов резолюции Первой конференции по латинизации (см. выше) получила существенное дополнение и развитие. В литературе первых лет распространения латинизации в Китае наряду с обоснованием отрицательной оценки движения за *гоюй* мы находим и позитивное рассмотрение проблемы общекитайского языка, путей его развития и взаимоотношения с местными диалектами.

Так, изданное в феврале 1936 г. Пекинским обществом по изучению новой письменности «Введение в новую письменность» [17] начинается с обширной теоретической статьи, которую можно считать программным документом, так как она воспроизводится и в других изданиях по латинизации.

В статье, состоящей из 12 разделов, рассматриваются главные аспекты китайской алфавитизации, конечно, в том числе и языковые, например: каким условиям должна удовлетворять новая письменность; новая письменность и так называемые тоны; новая письменность и китайские диалекты; движение за единый государственный язык [см. 17, стр. 6—13].

Не отвергая в принципе возможности образования и развития общекитайского языка, авторы статьи (сторонники латинизации) возражали против принудительного распространения этого языка во всех диалектных районах Китая. Причину неудачи так называемого движения за общегосударственный единый китайский язык (*гоюй юньдун*) авторы статьи усматривали в том, что это движение с самого начала пошло по неправильному пути, в том именно, что участники движения за единый язык не учитывали общественно-экономических условий, обеспечивающих развитие языкового единства, а хотели навязать это единство, заставляя все население страны учиться пекинскому диалекту и пользоваться специально созданным для этого романизированным алфавитом.

Наоборот, только латинизация, учитывающая реальность существования диалектов, указывали авторы статьи, при надлежащих социально-экономических условиях и при направленных действиях, способствующих прогрессивному развитию, обогащению и взаимопроникновению диалектов, сможет обеспечить формирование подлинно единого языка.

Подобные высказывания не были единичными, случайными. Они содержались и в других китайских публикациях того времени, например в работе Е Лай-ши (после образования КНР — видный деятель Комитета по реформе китайской письменности) «Очерки по латинизации» [см. 10, 30—35, глава «От диалектов к единому языку»].

Характеризуя достоинства латинизации, Е Лай-ши считал исключительно существенным то, что она опирается на разговорный язык. Латинизация не транскрибирует иероглифы, а служит средством выражения современной живой речи современного населения страны. Передаче латинизированным алфавитом подлежат диалекты разных районов Китая, с тем чтобы множество людей, еще говорящих в настоящее время на диалектах, могло без труда и быстро освоить эту письменность и свободно пользоваться ею. В упомянутой выше главе работы Е Лай-ши изложены взгляды сторонников латинизации, которые, обобщенно говоря, сводятся к следующему:

1. Реальная языковая ситуация сегодняшнего дня (имеется в виду 1935 г.) состоит в том, что в Китае еще не сложился общекитайский

язык и его окончательное оформление, как такового, потребует известного времени.

2. Создание латинизированной письменности для отдельных диалектов не означает распада китайского языка. Иероглифика отнюдь не объединяет китайский народ по языку, ибо иероглифы читаются, как правило, по местному произношению. Иероглифика не является и общей для всего народа письменностью, ибо такая общность имеет отношение лишь к небольшому числу людей, владеющих иероглификой, тогда как более 80% населения Китая неграмотно и тем самым остается вне такого в достаточной мере условного единства.

3. Исходя из того, что диалектное дробление является наследием феодальной раздробленности, противники латинизации утверждают, что создание письменности для диалектов означает консервацию, закрепление пережиточных, феодальных явлений. Этот довод не состоятелен. Различия диалектов в первую очередь состоят в различиях произношения, и это реальный факт. Что же касается словарного состава, то латинизация означает устранение всего отсталого, сугубо местного при одновременном широком восприятии положительных элементов разных диалектов и всемерной интернационализации словаря.

4. Диалектная раздробленность Китая обусловлена не только социально-историческими причинами, но также и самим фактом существования иероглифической письменности, препятствующей широкому письменному общению населения разных районов и тем самым препятствующей взаимовлиянию диалектов и созданию в конечном итоге в достаточной мере общего нового языка. Нет сомнения в том, что следует всемерно способствовать процессу слияния диалектов и выработки общего языка. Вопрос лишь о том, как достичь этого.

5. Единственным средством заполнить пропасть, разделяющую диалекты разных районов страны, является всемерное развитие отдельных диалектов и ускорение процесса их взаимовлияния. Иероглифика не способна обеспечить этот процесс, и только алфавитная письменность может быть письменностью для отдельных диалектов, а тем самым в недалеком будущем и для общекитайского языка.

Аналогичных взглядов придерживался инициатор создания китайского латинизированного алфавита Цюй Цю-бо. Еще в 1930 г. в изданной в Москве на китайском и русском языках работе «Китайская латинизированная азбука» Цюй Цю-бо, возражая тем, кто полагал, будто «из-за введения звуковой азбуки население в различных частях страны будет не в состоянии понимать друг друга и придется создать много разновидностей алфавита...» [3, 12], писал: «Во-первых, если местные наречия весьма сильно отличаются друг от друга, то все равно нет возможности привести их к единству и надо будет создавать для них отдельную письменность; во-вторых, в настоящее время в Китае уже выработался общераспространенный жаргон (*пугунхуа*), который на первых порах может служить критерием для общего языка во всей стране» [там же].

Более подробно Цюй Цю-бо развил свою концепцию в статьях, написанных им по возвращении в Китай, в 1931—1932 гг., но впервые опубликованных, по-видимому, только в 1938 г., а затем вошедших в виде двух обширных разделов — «Лунь вэньсюэ гэмин цзи юйянь вэньцзы вэньти» («О литературной революции и вопросах языка и письменности») и «Синь чжунго вэнь цаоань» («Проект новой китайской письменности») — во второй том собрания сочинений Цюй Цю-бо [см. 19, 593—704 и 705—851].

В статье о так называемой романизации Цюй Цю-бо обосновывает

точку зрения, согласно которой алфавитизации подлежит прежде всего так называемый общепонятный китайский язык — *путунхуа*, а затем, и лишь в необходимых случаях, также и местные диалекты. Будучи последовательным сторонником распространения современного общекитайского письменного языка, развивающегося на основе разговорного, Цюй Цю-бо придавал особое значение тому, чтобы эти процессы протекали естественно, соответствовали общественным потребностям и не были принудительными. «Лишь теперь, когда экономическое развитие связало ранее почти разобщенные районы страны, появилась возможность формирования в общем взаимопонятного для населения различных провинций языка *путунхуа*. Широкое развитие (распространение.— *А. Ш.*) такого языка вплоть до его унификации является естественным процессом; его невозможно навязать, проводя политику общего государственного языка *гоюй*. Общепонятный язык *путунхуа* вырастает из потребностей общественной жизни, науки и политики в языке общего пользования. Вместе с тем на современном этапе экономического развития Китая еще не окончательно сформировался подлинно общекитайский рынок, и поэтому повседневная жизнь населения различных мест и районов страны протекает в достаточной мере обособленно, а язык — это предмет повседневной жизни, не поддающийся унификации, предлагаемой начетчиками из институтов... Проведение политики общего письменного языка означало бы принятие одного пекинского диалекта в качестве общегосударственного стандарта и подавление развития всех прочих диалектов. Это политика реакционная и к тому же неосуществимая» [19, 654—655].

Какой же следует избрать путь? По мнению Цюй Цю-бо, «самое в настоящее время подходящее — это создать на основе естественно развивающегося общепонятного языка *путунхуа* новую общекитайскую алфавитную письменность. Вместе с тем можно в необходимых случаях и на основе этого же алфавита создавать фонетическое письмо для гуандунского, цзянсу-чжэцзянского, фуцзяньского диалектов... Именно здесь пролегал путь развития народной культуры» [19, 655].

В предисловии к работе «Проект новой китайской письменности» Цюй Цю-бо писал, имея в виду функции алфавита, что «новая китайская письменность для языка *путунхуа* будет письменностью, применяемой во всем Китае, а письменность для местных диалектов будет специализированной письменностью для населения данного района. Новую общекитайскую письменность следует считать главной письменностью, а письменность для Шанхая, Пекина, Гуанчжоу и т. д. следует рассматривать как подсобную письменность» [19, стр. 646].

Вводя термин «путунхуа» и отвергая название «гоюй» в смысле общеобязательного государственного языка, Цюй Цю-бо подчеркивал: «Этот общепонятный китайский язык *путунхуа* не следует называть *гоюй* и вот почему. Во-первых, диалектизмы разных мест должны в случае необходимости найти себе место в произведениях на *путунхуа*, что будет еще больше способствовать отражению подлинной жизни. Во-вторых, диалекты разных районов, например Кантона, Фуцзяни, Цзянсу-Чжэцзяна, должны иметь право на самостоятельное существование, их нельзя принудительно унифицировать. В настоящее время следует писать только на языке *путунхуа*, не пользуясь диалектами или говорами. Возникнет ли в будущем необходимость создания еще письменности и литературы на общепонятном гуандунском языке или же других местных диалектах, все это будет определяться степенью социально-политического развития разных районов и общей обстановкой» [19, стр. 646].

Взгляды Цюй Цю-бо на вопросы развития китайского языка и письменности в обобщенном виде можно свести к следующему: 1) отрицание *гоуй* как обязательного государственного языка; 2) признание права отдельных диалектных групп иметь свое алфавитное письмо; 3) признание необходимости естественно развивающегося и распространяемого демократическим путем общепонятного китайского языка; 4) практическое решение вопросов функционирования общего языка и диалектов должно осуществляться в соответствии с общей обстановкой и конкретными условиями того или иного района.

Как видим, в оценке языковой ситуации в Китае 30-х годов взгляды Цюй Цю-бо (1931 г.) близки к взглядам современных советских языковедов, полагающих, что в подобных случаях ориентация на чисто структурные элементы недостаточна и что «дифференциация „языка“ и „диалекта“ должна базироваться на совокупности историко-культурных, общественно-политических, функциональных и структурных признаков» [8, 194; см. также: 7] ⁶.

Следует заметить, что в решениях Первой конференции по латинизации нашли отражение главным образом первые два тезиса Цюй Цю-бо. Это, надо полагать, объясняется не только краткостью формулировок решений конференции, но и тем, что, рассматривая вопрос о едином языке, конференция учитывала опыт единственного тогда социалистического государства, где каждый имел возможность писать и читать на языке, на котором он думал и разговаривал. К тому же алфавит и орфография, принятые конференцией, фактически фиксировали то, что Цюй Цю-бо называл *путунхуа* — общепонятным китайским языком.

Недостатком формулировок по вопросам языка в резолюции Первой конференции по латинизации помимо их краткости было то, что резолюция резко противопоставляла общелитературный язык (т. е. *гоуй*) диалектам, исходя из безоговорочного отрицания первого и абсолютного признания второго. Резолюция не учитывала возможности иного, принимающего во внимание конкретные условия решения, приемлющего и то и другое: алфавитизацию на диалектной основе для поднятия культуры народных масс, для распространения грамотности, для политического просвещения, с одной стороны, и распространение общепонятного языка, обуславливающее широкую демократизацию последнего как по составу, так и по методам освоения, — с другой.

При распространении латинизированного алфавита в Китае его сторонники обратили внимание на неполноту резолюции Первой конференции, связывая это, между прочим, и с тем, что у самого Цюй Цю-бо не были разработаны вопросы о необходимых связях *путунхуа* и диалектов, об их взаимовлиянии и взаимодополнении в процессе совместного развития (см. доклад Ни Хай-шу на учредительном собрании Шанхайской ассоциации содействия новой письменности [15, 214—231]).

В настоящей статье проблема общекитайского языка и диалектов рассматривается применительно к ограниченному отрезку времени (30-е годы) и к ограниченной теме — алфавитное письмо. Однако представляется целесообразным хотя бы в нескольких словах охарактери-

⁶ В середине 30-х годов с расширением и усложнением практической работы по латинизации стала очевидной неполнота кратких формулировок Первой конференции. В частности, в 1936 г. автор этих строк в рецензии на сборник материалов по языковой дискуссии в Китае, касаясь статей, в которых рассматривались вопросы использования в языке широких масс — *дачжунъюй* — местных диалектов, отмечал, что «использование одних только лингвистических данных для безоговорочного выделения народно-разговорного языка ряда районов Китая в ряд отдельных языковых групп, конечно, неправильно и недостаточно» [5, 178].

зовать состояние проблемы в последующие годы. В 1958 г., почти через тридцать лет после публикации работ Цюй Цю-бо и начала работ по латинизации, сессия Всекитайского собрания народных представителей КНР утвердила проект фонетической транскрипции, предназначенный в первую очередь для распространения по всей стране *путунхуа*. В документах, представленных сессии, подчеркивалось, что распространение *путунхуа* вовсе не означает ликвидации диалектов, которые будут существовать в течение длительного периода и которые надо изучать для общения с местным населением [см. 2, стр. 12 и 39]. Тем не менее алфавит был утвержден только для *путунхуа*, а диалекты как были, так и остались бесписьменными. Их функция ограничена лишь устным общением. Небезынтересно отметить, что хотя алфавитизация отдельных диалектных групп китайского языка в КНР не была проведена, однако устная информация и пропаганда широко пользовались диалектной речью. Как свидетельствовал в 1966 г. известный китайский диалектолог проф. Ли Жун, в уезде Вэньлин провинции Чжэцзян программа радиовещания помимо передач центрального (Пекин) и провинциального (Ханчжоу) радио включала, как правило, и передачи на местном диалекте [см. 13, 95—96].

На русском языке

1. Комиссия по латинизации китайской письменности, К вопросу о латинизации китайской письменности,— «Записки ИВАН СССР», т. I, Л., 1932.
2. «О реформе китайской письменности. Сборник материалов», Пекин, 1958.
3. Цюй Цю-бо (Страхов), Китайская латинизированная азбука, М., 1930.
4. Шнейдер М. Е., Творческий путь Цюй Цю-бо, М., 1964.
5. Шпринцин А. Г., Сборник материалов по языковой дискуссии в Китае,— «Библиография Востока», вып. 10, Л., 1936.
6. Шпринцин А. Г., Из истории китайского нового алфавита,— «Народы Азии и Африки», 1961, № 6.
7. Ярцева В. Н., Языки мира — проблемы описания и классификации,— «Вестник АН СССР», М., 1971, № 10.
8. Ярцева В. Н., Соотношение территориальных диалектов в разных исторических условиях,— сб. «Энгельс и языкознание», М., 1972.

На китайском языке

9. «Дачжун юйвэнь луньчжань» («Дискуссия о письменном языке широких масс»), т. 1—2, сост. Сюань Хао-пин, Шанхай, 1934 (сборник статей).
10. Е Лай-ши, Латинхуа гайлунь (Очерки по латинизации), Шанхай, 1935.
11. Е Лай-ши, Синьвэньцзы цзэньян бэй цзешао дао чжунго лай (Как новая письменность стала известной в Китае),— «И цзю сы цзю нянь вэньцзы гайгэ луньвэнь цзи» («Сборник статей по реформе китайской письменности за 1949 г.»), Шанхай, 1950.
12. «Латинхуа чжунго вэньцзы пиньинь хо сефа данькаошу. Орфографический справочник латинизированной транскрипции китайских иероглифов», М., 1932.
13. «Латинхуа чжунго цзы юньдун 20 нянь луньвэньцзи» («Сборник материалов о движении за латинизацию китайской письменности, опубликованных за 20 лет»), сост. Ни Хай-шу, Шанхай, 1949.
14. Ли Жун, Гуаньюй фаньянь яньцзю вэй нунцунь фууди исе ицзянь. И чжэцзян шэнь вэньлин сянь фаньянь дяоча вэй ли (Диалектологические исследования на службе деревне. Некоторые соображения на примере изучения диалектов уезда Вэньли пров. Чжэцзян),— «Чжунго юйвэнь», 1966, № 2.
15. Ни Хай-шу, Латинхуа синьвэньцзы гайлунь (Очерки по латинизированной новой письменности), Шанхай, 1949.
16. Ни Хай-шу, Чжунго пиньинь вэньцзы юньдун ши цзянь бьянь (Краткий очерк истории движения за алфавитное письмо в Китае), Шанхай, 1950.
17. «Синь вэньцзы жумэнь». Бэйпин синь вэньцзы яньцзюхуй чубань («Введение в новую письменность», издание Пекинского общества по изучению новой письменности), Пекин, 1936.

18. То м у, Бэйфан синь вэньцзы (Новая письменность для севернокитайских диалектов), Шанхай, 1936.
19. Ц ю й Ц ю -б о, Вэньцзи (Собрание сочинений), т. 2, Пекин, 1959.
20. Ч ж о у Ю -г у а н, Ханьцзы гайгэ гайлунь (Очерки по реформе иероглифики), изд. 2, Пекин, 1964.
21. «Чжунгохуа сефа латинхуа. Лилунь, юаньцзэ, фанъань» («Латинизированная письменность для китайского языка. Теория, принципы, проекты»), 1-е издание, Шанхай, 1935; 2-е, дополненное издание, Шанхай, 1936; 4-е издание, Шанхай, июнь 1936.
22. «Сямэньхуа синь вэньцзы жумэнь — Епнгве Сип Мунли Липмнг» («Введение в новую письменность для амойского диалекта»), Шанхай, 1936.
23. «Zonqheho sip wenz c'ukiq k'urep» («Букварь на новом алфавите для шанхайского диалекта»), Шанхай, 1936.